

Секция 5
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ПАРАДИГМЕ
ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811.11-112

ПОНЯТИЕ «ATONEMENT» И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Х. МОРРИС CILKA'S JOURNEY

А.Р. Давыдова

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир
bootlegger@inbox.ru

М.Р. Саркисян

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

Статья посвящена изучению понятия «Atonement» / «Раскаяние» в контексте светского семантического пласта через кодирования культурной информации в семантике языковых единиц. Актуальность исследования обусловлена тем, что большую роль в решении этой задачи играет семантическое пространство языка, которое продолжает оставаться одним из актуальных направлений современной лингвистики. Анализ практического материала позволил авторам выделить и описать языковые средства выражения понятия «Atonement» / «Раскаяние» и особенностей его функционирования в произведении Х. Моррис Cilka's Journey. Авторы последовательно доказывают тезис о том, что лексическая экспликация понятия «Atonement» / «Раскаяние» открывает доступ к процессам восприятия и интерпретации текста, позволяет исследовать номинативные возможности естественного языка.

Ключевые слова: понятие «Atonement» / «Раскаяние»; вербальные репрезентанты; семантика языковых единиц; художественное произведение; Х. Моррис Cilka's Journey.

THE CONCEPT OF "ATONEMENT" AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATION IN
THE TEXT OF H. MORRIS CILKA'S JOURNEY

A.R. Davydova

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of their Teaching

Armavir State Pedagogical University, Armavir
bootlegger@inbox.ru

M.R. Sarkisyan

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Western European Languages and Cultures

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

The article is devoted to the study of the concept of "Atonement" in the context of the secular semantic layer through the encoding of cultural information in the semantics of linguistic units. The relevance of the research is due to the fact that the semantic space of the language plays an important role in solving this problem, which continues to be one of the relevant areas of modern linguistics. The analysis of the practical material allowed the authors to identify and describe the linguistic means of expressing the concept of "Atonement" and the features of

its functioning in the work of H. Morris Cilka's Journey. The authors consistently prove the thesis that the lexical explication of the concept of "Atonement" opens access to the processes of perception and interpretation of the text, allows us to explore the nominative possibilities of natural language.

Keywords: the concept of "Atonement"; verbal representations; semantics of linguistic units; H. Morris Cilka's Journey.

Основным лейтмотивом произведения является понятие «Atonement», то чувство раскаяния, которое главная героиня Силка Кляйн испытывала из-за своего особого статуса в блоке 25 в Освенциме и в санчасти в Воркуте. Вербализация понятия «Atonement» в широком смысле предполагает процесс словесного описания переживаний, чувств, мыслей, поведения Силки Кляйн относительно её добровольного или вынужденного конформизма. Чувство раскаяния сопряжены с её особым статусом в лагере смерти – является ли она соучастницей преступления, виновата ли она перед теми, кто погиб в Освенциме, все это и многое другое вызывают у героини чувства раскаяния, боли и горечи.

С лингвистической точки зрения понятие «раскаяние» можно представить в виде следующей модели поступка:

- 1) действие – совершение поступка;
- 2) субъект поступка – личность;
- 3) мотив – цель – реализация определенной ценности / антиценности;
- 4) формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие;
- 5) оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие;
- 6) ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами;
- 7) результат – формирование новой реальности.

Рассмотрим данную модель понятия «раскаяние».

Деятельностный характер раскаяния состоит в признании человеком того, что он сожалеет о совершенном проступке. Обратимся к примеру,

(1) **She had been a long-timer in that other places** – her and the other surviving Slovakian girls. They had seen it all. **They had stayed alive**. She wonders if she can find a way to advance her status, and Josie's, without standing out. **Or maybe she is here because of thoughts like that. Maybe hard labor is what she deserves...**

... She grimaces. To have lost everything. **To have had to endure** what she has endured, **and be punished for it** So, she had allowed herself just one moment of hope, sitting in that block back in that other place, waiting. She shouldn't have dared. **She is destined to be punished. Maybe it is what she deserves.**

...Cilka realizes the opportunity. In a camp there are the bad jobs – the outdoor, manual labor jobs – and then there are the good jobs. **In the other place**, a **“good” job meant more food, and warmth**, but in Cilka's case, it also meant being repeatedly and incessantly used, and witnessing the very worst conditions in the camp. **Her role as leader of Block 25 was a punishment, but one she also still feels she needs to repent for. For surviving. For trading food for cigarettes for warm clothes.** While the women came in and out and went off to die. And in and out and in and out, ceaselessly [3, с. 34].

В рассматриваемом примере фраза «that other place» является перифразом лагеря смерти в Освенциме. Сочетание «“good” job» в рассматриваемом контексте выступает эвфемизмом, вербализуя так называемый «привилегированный» статус Силки Кляйн, что вызывает у нее чувство стыда, вины и сожаления. По своему содержанию признание вины и раскаяние характеризуются ее глубокими внутренними переживаниями, осознанием совершенного поступка даже ради того, чтобы выжить. Лексема «punishment», сочетания «to be punished», эмфатическая фраза «it is what she deserves» наряду с ядерным вербализатором «to repent for» актуализируют самоосуждение и самопорицание Силки Кляйн, её собственную критическую оценку своего поведения. Отрицательная оценка содеянного представлена в пассивном залоге «She is destined to be punished», актуализируя понимание ответственности за совершенное преступление и

неизбежность наказания как необходимого инструмента очищения совести. Вместе с тем, посредством наречия «maybe» автор ставит под сомнение заслуженность или необходимость несения наказания, которое также актуализируется в намеренном делении фразы на несколько пунктуационно самостоятельных частей, в особой синтаксической конструкции «For surviving. For trading food for cigarettes for warm clothes. Посредством парцелляции автор смещает внимания читателя на те обстоятельства, которые вынудили Силки Кляйн смириться с положением дел. Данные синтаксические конструкции «For surviving. For trading food for cigarettes for warm clothes» являются дополнительными смысловыми центрами, повышая информативность текста и оказывая воздействие на читателя.

Главным мотивом раскаяния считается получение прощения перед Богом, если рассматривать в контексте религиозного семантического пласта, и перед окружающими в контексте светского семантического пласта. В анализируемом произведении понятие «Раскаяние» не имеет религиозного подтекста. Однако это не лишает его нравственного содержания, так как прощение это главная ценность, актуализируемая раскаянием, поскольку оно избавляет от мук совести и дает возможность начать жизнь по-новому. Обратимся к примеру,

(2) Cilka tries, most of the time, to block from her mind her **fear of** the women finding out. There is a churning deep down inside her. Something like **shame**. Would Yelena feel differently if she knew everything about Cilka's past? stood like **an angel of death** in a fur coat and watched, and did nothing, as thousands of your kind were killed before your eyes.”

Despite the mild weather, Cilka's insides turn to ice. She begins to **shake**. She wants to explain to Hannah: I was sixteen! I did not choose any of it, any of this. I simply stayed alive. But no words come. And she knows, too, how they would ring out hollow and desperate to her hut-mates. How they would **not be able to stand to be around her**. How she would seem **cursed, wrong**. She does not want to steal drugs badly needed by patients for Hannah. But she also **can't lose her friends – her only solace**. And what if Yelena found out about **the death block** too? Raisa and Lyuba? **She might lose them, and her position. She wouldn't be able to bring extra food for her hut-mates, helping to keep them strong enough to do their grueling work. Everything would unravel** [3, с. 28].

Сочетание «the death block» является лейтмотивом всего произведения, вербализатором стыда и вины за вынужденное потворство и конформизм нацистскому режиму. Угрызения совести, раскаяние и другие внутренние переживания, которые переполняют Силки Кляйн, актуализированы в сочетаниях «a churning deep down inside her», «something like shame». Однако эти переживания затмеваются чувством страха, вербализованное метафорическим описанием «Cilka's insides turn to ice», боязнью того, что будет обнародован ее секрет: тот самый лагерь смерти, в котором она выступала в роли ангела смерти «an angel of death». В рассматриваемом контексте Силки Кляйн испытывает чувство страха вследствие боязни утратить прежние хорошие отношения и связи с ее друзьями «lose her friends – her only solace», «she might lose them, and her position». Силки Кляйн боится отчуждения и одиночества, которые могут только усилить чувство раскаяния, вызванное стыдом и нормами нравственности и закона, с одной стороны, и неспособностью помочь, с другой стороны. Как правило, поступок Силки Кляйн представляется преступлением в глазах окружающих, предметом осуждения и порицания, а Силки Кляйн, субъект раскаяния, соответственно, выступает в качестве преступника, который переступил нормы нравственности, даже для того чтобы выжить и не сломиться перед фашистским режимом.

Осознанность, осмысленность и волевой характер раскаяния выявляются из словарной дефиниции: Atonement – If you do something as an atonement for doing something wrong, **you do it** to show that **you are sorry** [2, с. 68]. Наличие в дефиниционном анализе «**you do it** to show that **you are sorry**» иллюстрирует волевой характер неправильного поступка, который может стать предметом угрызения совести, в случае нераскаянности. Обратимся к фрагменту,

(3) The women sit politely. Elena gives Cilka an encouraging look.

«You all shared your pasts with me, your secrets, and I was too afraid. But I should have reciprocated. I owe it to you». She takes a deep breath.

«I was in Auschwitz», Cilka says. Margarethe sits bolt upright. «The concentration camp». She swallows. «I survived because I was given a privileged position in the camp, in the women's camp in Birkenau. A bit like Antonina. But...»

No one else speaks. «I had my own room in the block. A block where they would put the» – she struggles to say the words – “sick and the dying women, before they would take them to the gas chambers to murder them.” “The SS officers, they put me there, in that block, because there were no witnesses.”

Silence. Complete silence.

Cilka swallows again, feeling light, dizzy.

Anastasia starts to cry, audibly. «I know that sound, Anastasia; it is so familiar to me», Cilka says. «I used to get angry. I don't know why that emotion. But they were all just so helpless. I wasn't able to cry. I had no tears. And this is why I have not been able to tell you all. I had a bed, I had food. And they were naked and dying».

« How ... how long were you there? » Elena asks.

«Three years».

Margarethe comes to sit near Cilka and holds out a hand. « None of us know what we would have done. Did those bastards kill your family? »

«I put my mother on the death cart myself».

Margarethe forcefully takes Cilka's hand. «The memory is giving you a shock. I can tell by your voice. And you're shaking. Elena, make a cup of tea». Elena jumps up and goes to the stove. The rest of the women remain quiet. But Cilka is now too numb to think about how her words have been received. There's an exhaustion taking over her [3, с. 89].

В рассматриваемом фрагменте повествование Силки Кляйн представляет собой сумму из логических констатаций событий минувших дней в Освенциме и отрицательных эмоций, которые она испытала, находясь в лагере смерти. Силки преднамеренно оттягивала разговор с друзьями, так как осознавала моральную ответственность перед собой и перед окружающими за свои действия. Более того, Силки осознавала мерзость своего потворства фашистскому режиму, что особенно бы порицалось в ее окружении.

Как было ранее отмечено, раскаяние в рассматриваемом тексте не несет религиозного контекста. Раскаяние является светской категорией в анализируемом произведении. Поэтому для Силки важно было получить прощение перед своими друзьями. Признательный разговор Силки во многом напоминает исповедательный жанр. Никто не осмелился ее осудить, внимая каждому произнесенному ею слову, испытывая чувства сострадания и сопереживая душевным мукам, которые постигли Силки в столь юном возрасте. Силке удалось проявить волевой характер и раскаться перед друзьями в тех прегрешениях, которые не давали ей покоя, несмотря на внешние обстоятельства. Сочетание «feeling light» вербализует чувство легкости, которые испытывала Силки во время признательного разговора. Фразы «too numb to think about her words», « how her words have been received», «exhaustion taking over her» иллюстрируют скрытые духовные, покаянные чувства, которые Силка испытала, избавившись от тяжести груза, с которыми она жила все эти годы. Раскаяние в ее якобы привилегированном положении «I was given a privileged position in the camp», нахождение в лагере смерти, тому последнему пункту назначения еврейского народа перед газовыми пытками «the block - they would put sick and the dying women, before they would take them to the gas chambers to murder them», неспособность предотвратить смерть собственной матери «I put my mother on the death cart myself» носят исповедальный характер и служат оценочной характеристикой личного раскаяния в тех действиях, который довели над Силкой Кляйн на протяжении многих лет.

Оценочность положительного раскаяния также проявляется в получении прощения перед друзьями, что вербализовано в следующем фрагменте,

(4) «Margarethe comes to sit near Cilka and holds out a hand. «None of us know what we would have done» [3, с. 89].

Посредством сослагательного наклонения «would have done» автор вербализует сочувствие друзей. Таким образом, возникает ощущение, что друзья не только сопереживают, но и оправдывают Силку Кляйн в той ноше, которую она самоотверженно несла.

Ситуация раскаяния характеризуется как ответственный мучительный выбор признаться в содеянном или нет, поскольку данный выбор сопряжен со страхом наказания, отчуждения. Обратимся к примеру,

(5) For the first time in many years she has allowed herself to **be dragged down by the enormity of what she has seen, heard, and done – or not done – herself. It is like an avalanche – there seems to be no way now of holding it at bay.** She doesn't understand how she kept it all back before, but suspects this may be happening because she has acknowledged aloud to Yelena **that she survived that other place.**

Cilka **is afraid to let it come up, come out.** But talking about it is something she hasn't tried. She feels a glimmer of something, that **survival mechanism; a sense of hope.** Maybe she should. She nods, just a little. «Not here. I don't want anyone we work with to see me talking to you». [3, с. 52].

В рассматриваемом фрагменте понятие «раскаяние» представлено во фразе «the enormity of what she has seen, heard, and done – or not done – herself». Согласно дефиниционному анализу вербализатора enormity – terrible or immoral act, or how terrible or immoral something is [1, с. 94], понятие раскаяние обозначает сожаление о совершенном дурном, неправильном, аморальном поступке. Раскаяние у героини Силки Кляйн вызвано чувством стыда о совершенном поступке полного конформизма фашистскому режиму по отношению к своему, еврейскому народу, Силка Кляйн старательно пытается скрыть поступок, вызывающий у неё чувство сожаления и горечи. В языковом плане попытка завуалировать данную информацию вербализуется посредством личного местоимения it, местоимения в объектном падеже it. Силка не решается публично признаться в неспособности и беспомощности противостоять врагу и его беспощадности в массовых расправах ее народа.

(6) «... there was, there was...»

«Was what?» «The gas chambers, where everyone went. Went in alive and came out the chimney. I saw them every day, every day that was my future if I didn't...» [3, с. 52].

В акте раскаяния слова Силки Кляйн наполнены волнением из-за пережитого ужаса в лагере смерти. Данное обстоятельство представлено посредством умолчания, синтаксически выраженного с помощью рубленных конструкций, и графически - многоточием. Изображая действительность и акцентируя внимание на ужасах фашистского режима, умолчание своей вербальной оболочкой позволяет раскрыть смыслы, имплицитно заложенные в словах Силки Кляйн, горечь и стыд в невозможности вступить в открытую конфронтация против тех, кто ожесточенно уничтожал еврейский народ в газовых камерах.

Примечательно, что ключевым вербализатором в акте раскаяния Силки Кляйн является лексема «survived» и ее производная «survival». С одной стороны, Силка Кляйн осознает аморальность совершенного поступка, что представлено местоимением it, лексемой enormity, с другой стороны, поступок, отравляющий ее жизнь, несет в себе оправдательный характер: Силка совершает дурной поступок, ради того чтобы выжить, пройдя ад лагеря смерти. Примечательно, что сочетания «survival mechanism», «a sense of hope» рассматриваются как контекстуальные синонимы, тем самым вербализуя оправдательный характер совершенного поступка.

Раскаяние сопряжено с печалью, с угрызениями совести, которые не дают забыть совершенный поступок. В языковом плане невидимая совесть, терзающая героиню, вербализована посредством фразового глагола в пассивном залоге «be dragged down». Дефиниционный анализ - If an unpleasant situation drags someone down, it makes them feel unhappy or ill [4, с. 43] – актуализирует более глубокие и сложные чувства, которые не дают героине покоя, являясь источником её душевных терзаний. Совесть также представлена образно посредством сравнения с лавиной «It is like an avalanche», которое подчёркивает глубину страданий.

Результатом раскаяния является формирование новой реальности, которое ведет к переоценке ценностей и жизненных принципов. Обратимся к примеру,

(7) «My God, how have you done it?»

«I just want to live. I need to feel **the pain** I wake up with every morning, knowing I am alive, and my family aren't. **This pain is my punishment for surviving** and I need to feel it, live it» [3, с. 76].

В анализируемом фрагменте раскаяние тесно связано с самоосуждением и самопорицанием, что вербализовано посредством лексемы «pain» и фразы «pain is my punishment». Дефиниционный анализ лексемы pain – emotional or mental suffering [2, с. 77], актуализирует те душевные страдания и муки совести, которые постоянно преследовали Силки Кляйн. Вынужденный конформизм, смерть родных легли на неё тяжелым грузом и трансформировали восприятие мира и ее место в нем. Чувство вины перед родными, упрек и самопорицание представлены во фразе «need to feel it, live it».

Таким образом, понятие «раскаяние» – сложное понятие, которое имеет сугубо светскую трактовку и определяется в нравственных рамках понятиями сожаления и осознания своей вины по поводу совершенного поступка. Основа содержания «раскаяние» является свободно-сознательное отношение к нравственной норме, согласно которой человек сам, без обращения к Богу, оценивает свое наличное, эмпирическое нравственное состояние. Смысловой акцент делается на наличии у человека специфического чувства сожаления о чем-то неправильном, ошибочно сказанном или сделанном. Важными составляющими понятия «раскаяние» являются собственная критическая оценка произошедшего, сожаление, стыд, упрек, осознание и понимание ответственности.

Библиографический список

1. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners [Text]. – The University of Birmingham: Collins Cobuild, 2001. – 1824 p.
2. Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. – London: Longman Dictionary, 2001. – 1668 p.
3. Morris Heather "Cilka's Journey". – New Zealand: Kings Road Publishing, 2020. – 156 p. [Электронный ресурс]. URL: https://ereads.net/heather-morris / 491052-cilkas_journey_arc.html
4. Webster's Elementary Dictionary [Text] / Ed. by G. and C. Merriam. – New York, 1962. – 739 p.

УДК [81'373.612.2:37.016]:811.112.2

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ МЕТАФОР СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «СПОРТ»

О.Г. Дедович

аспирант кафедры языкознания и лингводидактики

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, г. Минск

olya-de@yandex.ru

В статье рассматриваются функционирующие в лингводидактическом пространстве вторичные метафорические номинации семантической сферы «Спорт». Материалом послужили метафоры, отобранные методом сплошной выборки из немецких, российских, белорусских учебных изданий по немецкому языку, немецкоязычных образовательных блогов. Описывается фреймо-слотовая структура спортивной метафорической модели, определяются основные сферы метафорического притяжения (лексика, грамматика, фонетика, чтение, говорение, условные и символные обозначения как часть учебника). Специфической чертой немецкоязычного корпуса является высокая репрезентативность спортивных образов, наличие визуальных метафор. Частотность той или иной спортивной метафоры зависит от конкретной сферы-мишени. Выявлены метафорически маркированные приемы, способствующие развитию функциональной грамотности учащихся.

Ключевые слова: метафора; фреймовая структура; семантика; спорт; лингводидактика; функциональная грамотность; немецкий язык.